

А. Ю. Журавлев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОГО КОМИТЕТА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ (1850–1860-е ГОДЫ)

*Работа представлена кафедрой истории и мировой политики
Северо-Западной академии государственной службы.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. С. Тургаев

Беспособность любой армии во многом зависит от качества военного образования. Неудачный для России исход Крымской кампании, сильно подорвавший авторитет армии, поставил на повестку дня реорганизацию системы военно-учебных заведений. Эту задачу призван был решить Особый комитет под руководством великого князя Константина, результатом деятельности которого стало создание юнкерских училищ, призванных пополнить российскую армию грамотным обер-офицерским составом.

Ключевые слова: Особый комитет, военная реформа, юнкерские школы, профессиональная подготовка офицеров.

The efficiency of any army in many respects depends on the quality of military education. The unsuccessful outcome of the Crimean campaign for Russia strongly undermined the authority of the army as a whole and that of military educational institutions in particular, and put the reorganization of the military education system on the agenda. The Special committee led by the grand duke Constantine was urging to solve this problem. As a result it was the establishment of the junior military schools which were set up to provide the Russian Army with efficient and qualified officers.

Key words: The Special committee, military reform, junior military schools, efficient and qualified officers.

Неудачный для России исход Крымской кампании сильно подорвал авторитет армии в целом и военно-учебных заведений в частности. В. Г. фон Бооль отмечал в своих мемуарах: «После Крымской кампании, как известно, общество наше стало относиться с пренебрежением и даже несколько враждебно к военному званию»¹.

Понимая необходимость реформ, начальник штаба Главного начальника военно-учебных заведений Я. И. Ростовцев и его подчиненные из числа руководителей военно-учебного ведомства тем не менее предпочитали путь медленных, частичных преобразований. В конце 1859 г. Я. И. Ростовцев с горечью писал: «Как идут военно-учебные заведения: лучше ли против прежнего или хуже – судить об этом дело не мое. Если же они идут дурно, то это происходит или от причин, от меня не зависящих, или от моего неумения, но Бог мне свидетель, не от моего нежелания... Конечно, у меня много ошибок и грехов, как у человека, но помыслами и действиями гражданскими жизнь моя чиста: все они проистекают от убеждения»².

Действительно, проводить коренную реорганизацию военной школы суждено было новым людям со взглядами отличными от тех, которые исповедовал Я. И. Ростовцев. Занявший после его смерти в 1860 г. пост Главного начальника военно-учебных заведений великий князь Михаил Николаевич действовал гораздо более решительно. Он сразу же обратился к ряду видных военных и государственных деятелей с предложением высказать мнение о возможных способах усовершенствования системы военного образования.

К началу 1862 г. великий князь располагал несколькими проектами. Наиболь-

шую известность среди них получила «Записка по вопросу о преобразовании военно-учебных заведений», поданная в феврале 1862 г. Д. А. Милютиным, который в 1860 г. стал помощником военного министра, а в 1861 г. – военным министром³. «Записка» Д. А. Милютина подробно проанализирована М. С. Лалаевым, П. А. Зайончковским, Л. Г. Бескровным, В. В. Ионовым, А. А. Михайловым и др. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть те ее положения, которые так или иначе повлияли на деятельность Особого комитета.

По мнению Д. А. Милютина, современные ему кадетские корпуса преследовали две совершенно разные цели: образовательную и благотворительную. Как учреждения образовательные, они были призваны готовить квалифицированные офицерские кадры, а как благотворительные – обеспечивать детей малоимущих офицеров образованием и воспитанием в пансионе за казенный счет.

Ущерб от благотворительного принципа, по мнению Д. А. Милютина, превышал приносимую им пользу. Во-первых, корпуса принимали детей в достаточно раннем возрасте, когда их интересы и способности еще не сформировались. «Между тем, – подчеркивал Д. А. Милютин, – ни для одного рода занятий не имеет такой важности сердечное к нему призвание, как для военного ремесла»⁴. Во-вторых, кадеты младших классов в силу возраста еще не могли соблюдать воинскую дисциплину осознанно, а суровое, чисто внешнее принуждение оказывало негативное воздействие на моральные качества учащихся. «Ныне, – говорится в «Записке», – в наших военно-учебных заведениях употребляются все старания,

чтобы согласовать требование дисциплины с необходимою для детского возраста мягкостью и кротостью обхождения, но такая задача едва ли разрешима: стремление к согласованию двух условий друг другу противоположных естественно ведет к тому, что ни то, ни другое не соблюдается в должной мере»⁵.

В-третьих, Д. А. Милютин справедливо указывал, что, находясь в закрытом учебном заведении, в интернате, кадеты не могли быть знакомы с реальной армейской жизнью и, следовательно, не имели возможности «получить настоящего практического приготовления к офицерским обязанностям». Поэтому многие командиры, как отмечено в «Записке», предпочитали иметь в своем распоряжении не вчерашних кадет, а «офицеров из юнкеров, хотя и менее образованных, чем кадеты, но зато более практических, более свыкшихся с условиями военного быта и потому более для службы полезных»⁶.

Исходя из этого, Д. А. Милютин предлагал исключить общеобразовательные заведения из военного ведомства. «Воспитание отроков, – утверждал министр, – должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно военные могут существовать только с одной целью: доставлять научное, специальное образование тем молодым людям, кои почувствуют в себе призвание к военной службе»⁷.

Для решения последней задачи Д. А. Милютин считал нужным учредить в войсках юнкерские училища и дал довольно подробный проект принципов их организации и структуры. Поступать в училища, по замыслу составителя «Записки», могли уже принятые на службу юнкера, которые получили образование дома или в гражданском учебном заведении и «выдержавшие экзамен из общих наук не ниже гимназического курса». В юнкерских училищах будущим офицерам надлежало получать как теоретическую, так и практическую военную подготовку. «...Самое приготовление к офицерскому званию, – писал Д. А. Милю-

тин, – должно состоять в практическом ознакомлении юнкеров со всеми требованиями и условиями военной службы при самих войсках и вместе с тем, в приобретении необходимых для офицера научных военных сведений...»⁸.

Курс намечалось установить продолжительностью в 2 года, причем каждый год юнкера в течение 6–7 месяцев должны были заниматься теоретической подготовкой (с октября по апрель или май), а 6 или 5 месяцев, весной и летом, нести «действительную службу при войсках»⁹.

По окончании курса юнкерам надлежало сдавать экзамен. После этого те, кто намеревался служить в пехоте и кавалерии, могли быть произведены в офицерский чин, тех же, кто избирал службу в артиллерии и инженерных войсках, надлежало направлять в соответствующие академии «для продолжения специального образования»¹⁰.

Впоследствии, описывая в мемуарах подготовку и подачу «Записки», Д. А. Милютин отмечал, что руководствовался реальным положением дел, но при этом понимал: резкая критика кадетских корпусов будет неприятна Михаилу Николаевичу и Александру II. «...Я счел своей обязанностью, – вспоминал он, – не стесняясь личными отношениями, изложить мое мнение откровенно, хотя, разумеется, в самых мягких формах, наименее неприятных и Великому Князю и самому Государю»¹¹. Однако великий князь никак не выразил своего отношения к «Записке». Весьма прохладно отнесся к предложениям Д. А. Милютина и император. «Государь только раз, в Царском Селе, – говорится в мемуарах министра, – коснулся моей записки о кадетских корпусах и дал мне возможность, хотя в нескольких словах пояснить ему изложенную мною основную мысль, которую он выслушал молча»¹².

Существует также рассказ анонимного автора о том, что Александр II якобы однажды сказал военному министру: «С кадетами обожди, повремени, оставь их, я их любил и люблю; не уничтожай их, не ломай кадетских корпусов»¹³.

Тем не менее и император, и великий князь Михаил Николаевич, и целый ряд военных деятелей сомневались в возможности реализовать план Д. А. Милютина не в силу слепой привязанности к прошлому, а потому, что опасались вполне реальных затруднений. В частности, они полагали, что выпускники гражданских школ не станут особенно стремиться в юнкерские училища, ибо престиж армии невысок, а материальное положение офицера весьма незавидно. Проектируемые училища могли просто не набрать контингента. То, что эти опасения были небеспочвенны, свидетельствуют как статистические данные, отражающие падение притока абитуриентов в существующие военно-учебные заведения, так и свидетельства мемуаристов. Перемены в идеалах молодежи весьма точно отразил в своих воспоминаниях П. Засодимский, который писал: «С начала 60-х годов у нас повеяло новым духом... Офицер в наших глазах утратил свою былую прелесть. Студент стал нашим идеалом: студент великодушен, благороден, смел... Быть студентом считалось почетным»¹⁴.

В октябре 1862 г. для подготовки плана реформы под председательством великого князя Михаила Николаевича был учрежден Особый комитет. В его состав вошли: генерал-адъютанты А. А. Баранцев, Ф. Л. Гейден и Н. А. Крыжановский, начальник Штаба Главного начальника военно-учебных заведений генерал-майор Н. В. Корсаков, член Совета о военно-учебных заведениях генерал-лейтенант В. П. Желтухин, генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-лейтенант А. И. Веригин, директор канцелярии Военного министерства генерал-майор К. П. фон Кауфман, начальник Учебного отделения штаба Главного начальника военно-учебных заведений полковник И. А. Бирилев, начальник Офицерской стрелковой школы генерал-майор П. С. Ванновский, начальник Константиновского военного училища генерал-майор П. П. Кинович, инспектор классов 2-го кадетского корпуса полковник Г. Г. Дани-

лович, известный военный педагог, полковник С. А. Слуцкий, чиновник для поручений при Главном начальнике военно-учебных заведений надворный советник Э. Ф. Эвальд, представители Министерства просвещения А. Ф. Постельс и А. С. Воронов.

Определяя задачи и основные принципы реформы, великий князь считал необходимым «отделить общие классы от специальных, а устройство этих последних преобразовать таким образом, чтобы молодые люди, приготавливаемые к военному поприщу, были точнее поставлены в условия военного воспитания и действительной военной службы. Общие классы устроить на иных началах»¹⁵. Великий князь говорил также о желательности «изыскать способы к уменьшению... расходов по военно-учебным заведениям вообще»¹⁶. Основные споры разгорелись вокруг двух вопросов:

1. Нужно ли сохранять в военном ведомстве общеобразовательные учебные заведения или оставить только дающие специальную военную подготовку и пополнять их выпускниками из гражданских школ?

2. Как должны быть организованы специальные военно-учебные заведения? Будут ли они состоять при армейских частях или образуют самостоятельное ведомство?

Комитет начал свою работу с анализа проектов реформы, как составленных ранее, так и поступивших в его адрес. Несомненно, что многие из этих проектов оказали не меньшее воздействие на ход реформы, чем приведенный выше план Д. А. Милютина.

Большого внимания заслуживает, например, «Записка» П. С. Ванновского, который безоговорочно признавал необходимость отделения общеобразовательных учебных заведений от собственно военных. «...Настоятельность отделения специальных классов от общих, – говорится в его «Записке», – чувствовалась давно, а в настоящее время, даже без всяких других реформ в существующих военно-учебных заведениях подобная мера является настолько необходимой, что без нее само существование таких громадных закрытых за-

ведений, как кадетские корпуса, едва ли возможно»¹⁷.

Однако П. С. Ванновский, как и великий князь Михаил Николаевич, не верил в возможность пополнения военно-учебных заведений выпускниками гражданских школ. Поэтому он предлагал разделить общие и специальные классы кадетских корпусов на самостоятельные учебные заведения таким образом, чтобы и те и другие остались в военном ведомстве. Старшие классы должны были составить основу военных училищ, подчиненных, однако, не командованию военных округов, а некоему единому центру.

В записке П. С. Ванновского содержалась весьма суровая критика предложенной военным министром Д. А. Милютиним системы военно-окружных юнкерских училищ. «Соединение одновременно научного образования с действительной службою, – писал он, – должно в результате помешать одно другому»¹⁸. По мнению П. С. Ванновского, после окончания курса воспитанников военных училищ следовало направлять в полки со званием юнкера, а первый офицерский чин присваивать после года службы.

Весьма интересный проект предложил также генерал-адъютант Николай Андреевич Крыжановский (1818–1888), состоявший в 1857–1860 гг. начальником Михайловского артиллерийского училища, в 1860–1861 – начальником штаба 1-й армии, подавлявшей восстания в Польше, а в 1861–1862 гг. – Варшавским генерал-губернатором. Как и П. С. Ванновский, Н. А. Крыжановский выступал за сохранение в ведении Военного министерства общеобразовательных учебных заведений, сформированных на основе общих классов кадетских корпусов. Эти заведения он именовал гимназиями военного ведомства и специально подчеркивал, что в их учебных программах должны преобладать точные предметы. Критикуя существующие кадетские корпуса, Н. А. Крыжановский сосредоточил внимание именно на перегруженности учебных программ и тщетности попыток дать в

пределах одного заведения и общую, и профессиональную подготовку.

По плану Н. А. Крыжановского, юноши, успешно окончившие курс гимназий военного ведомства, могли поступать в юнкерские училища, расположенные во всех военных округах и подчиненные «территориальному начальству»¹⁹. Эта часть проекта Н. А. Крыжановского явно напоминала план Д. А. Милютина и противоречила взглядам П. С. Ванновского.

Против передачи специальной подготовки офицеров в юнкерские училища с присущим им принципом сочетания учебы с армейской службой весьма решительно выступил начальник Михайловского артиллерийского училища Александр Сергеевич Платов (1817–1891). Он был крупным теоретиком в области артиллерии, видным ученым и педагогом. Практически вся служба А. С. Платова была связана с Михайловским артиллерийским училищем и академией. Еще в 1837 г., по окончании офицерских классов училища, он был оставлен там репетитором по артиллерии и с тех пор практически не служил «в строю». В 1858 г. Александр Сергеевич стал инспектором классов училища, в 1861 г. – его начальником. Впоследствии, при организации в 1867 г. Артиллерийской академии, он возглавил ее, оставаясь на посту начальника училища и академии до 1871 г. Немаловажно также отметить, что в 1850 г. А. С. Платов был назначен преподавать артиллерию великому князю Николаю Николаевичу Старшему, а в 1851 г. – Михаилу Николаевичу. Близость к семье Романовых и, особенно, к председателю Комитета придавала его мнению особый вес.

Одна из основных идей А. С. Платова заключалась в том, что планируемое в юнкерских училищах соединение строевой службы с профессиональной подготовкой офицеров приведет к недооценке учебной работы и ее слабой организации. «В юнкерских школах направления военно-практического, – писал он, – учение науке неизменно будет принесено в жертву учению

службе. Юнкер здорового и крепкого сложения, ловкий, исправный... всегда будет выше во мнении начальства другого более способного, но менее освоившего в себе военное начало...». И далее: «...Начальство Школы, имея перед собою в виду насущную потребность в хороших фронтовых офицерах, будет думать лишь об удовлетворении сей потребности и умственное образование будет только дополнением к образованию фронтовому»²⁰.

Впрочем, фронтовая подготовка, по мнению А. С. Платова, тоже будет не слишком высокого качества. Автор «Записки» доказывал, что командирование юнкеров в воинские части вовсе не гарантирует их ознакомления со служебной практикой, ибо к ним невозможно предъявлять те же требования, какие предъявляются к взрослым офицерам. «Школы, – писал он, – сочинят не истинную службу, а другую, примененную к возрасту и образованию молодых людей, эта служба любви к военному делу не развивает потому, что будет делом не необходимости, а делом ученья...»; служба превратится в игру, ибо «...16–17-летних юношей не поставят на часы в 30° мороза, не поручат охранять арестантов и не будут посылать в продолжительные походы»²¹.

Наконец большое опасение у А. С. Платова вызывала идея о полной передаче юнкерских училищ в ведение военно-окружного начальства. В своей «Записке» он отметил: «При общей децентрализации военно-учебной части, уровень военного образования будет ниже, нежели в том случае, когда оно сосредоточено в одном ведомстве, которого единственная цель развитие этого образования и которое вследствие своей специальности обязано всеми зависящими от него мерами вести свое дело к возможному совершенству»²².

Еще до организации комитета, в марте 1862 г., пространную записку о военно-учебных заведениях составил генерал-лейтенант, граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), который в 1860–1865 гг. состоял воспитателем наследника цесаревича

Николая Александровича. Министр внутренних дел П. А. Валуев весьма язвительно писал о воззрениях Строганова: «Его мнения – какая-то смесь профессорского взгляда на просвещение, генеральского взгляда на профессоров, дворянского на помещиков, надежды на преодоление современных затруднений опирающимся на войско самовластием»²³.

Вполне понятно, что план ликвидации кадетских корпусов симпатий у С. Г. Строганова не вызывал. В самом начале своей «Записки» он поместил рассуждение об опасности и несвоевременности слишком решительных реформ. «Без сомнения придет время, – писал С. Г. Строганов, – закрытия общих классов военно-учебных заведений, но придет естественно, без общей ломки, всегда опасной, тем более в настоящее время, при общем раздражении умов»²⁴. Подобно П. С. Ванновскому и Н. А. Крыжановскому, С. Г. Строганов был убежден, что гражданские школы не смогут пополнить военно-учебные заведения должным количеством воспитанников. «Военная служба, – писал он, – сама по себе не представляет ничего особенно привлекательного. Не говоря уже о деятельности чисто физической, начать карьеру на 276 рублей, которые получает прапорщик, и окончить карьеру при содержании в 678 рублей, которые получает полковник, не соблазнительно»²⁵.

Кроме того, С. Г. Строганов утверждал, что общеобразовательная подготовка будущих офицеров в гражданских школах и домашних условиях едва ли окажется лучше, чем в существующих «общих» классах кадетских корпусов. «Малое развитие просвещения, – говорится в «Записке», – делает воспитание детей, даже первоначальное, в доме родительском, вообще говоря, невозможным»²⁶. Наконец, по мнению С. Г. Строганова, порицаемый Д. А. Милютиным и его сторонниками «благотворительный элемент» кадетских корпусов являлся для большинства офицеров единственной возможностью дать детям неплохое образование. «Если есть спрос на закрытые за-

ведения, – говорится в его «Записке», – стало быть, они пока и необходимы!»²⁷ В заключение С. Г. Строганов советовал непременно сохранить в военном ведомстве общеобразовательные школы, произведя в них ряд улучшений организационно-педагогического характера и обеспечив их квалифицированными педагогами.

В «Записке» С. Г. Строганова содержится также рекомендация в целях лучшего ознакомления выпускников кадетских корпусов с реальными служебными обязанностями направлять их в строй с унтер-офицерским чином и производить в офицеры через три или шесть месяцев²⁸.

Среди лиц, активно ратовавших за сохранение в военном ведомстве и специальных, и общеобразовательных заведений, был профессор Военной академии генерал-лейтенант барон Николай Васильевич Медем (1796–1870). Он, несомненно, имел богатый педагогический опыт: в 1826–1832 гг. был инспектором классов в Михайловском артиллерийском училище, затем перешел в Военную академию, где в 1833 г. возглавил кафедру стратегии. Не прерывая службы в академии, Н. В. Медем с 1834 г. состоял при главном директоре Пажеского и кадетских корпусов. В 1851 г. им была написана и издана работа о военно-учебных заведениях Германии. Интересно также, что в период работы над проектом реорганизации военно-учебных заведений Н. В. Медем занимал одновременно пост председателя Петербургского цензурного комитета (1860–1862), а позже являлся членом Совета министерства внутренних дел по вопросам книгопечатания (1862–1865). Возможно, именно поэтому в его «Записке» повышенное внимание уделено политическому аспекту реформы. «Требуя с собой настойчивостью уничтожения кадетских корпусов, – отмечает он, – западная журналистика имеет в виду открыть для всех классов народа одинаково свободный доступ к офицерским местам и со временем заменить нынешний дух и образ мыслей общества офицеров духом и образом мыслей более

соответствующим стремлениям среднего сословия»²⁹. Н. В. Медем подчеркивал также, что общие классы кадетских корпусов имеют перед гражданскими гимназиями то преимущество, что дают своим питомцам воспитание именно в расчете на будущую военную службу.

Напротив, за полную ликвидацию в военном ведомстве каких-либо общеобразовательных заведений выступал министр просвещения Александр Васильевич Головин (1821–1886). По его мнению, в подчинении у Военного министерства должны были остаться только специальные военные училища, а все общеобразовательные школы перейти Министерству просвещения. По расчетам А. В. Головина на средства, сэкономленные благодаря ликвидации кадетских корпусов, можно было открыть либо 10 университетов, либо 150 гимназий, либо 10 тысяч народных училищ. Такие взгляды, естественно, оказали влияние и на те позиции, которые занимали представители этого министерства на заседаниях комитета. Интересно, однако, что А. С. Воронов выступал против немедленной передачи кадетских корпусов Министерству просвещения, полагая, что оно пока не готово их принять. Он предлагал сохранить в военном ведомстве общеобразовательные школы до тех пор, пока не будет создана широкая сеть гражданских школ с курсом, рассчитанным на усиленное изучение точных наук («реальных гимназий»). «Для будущего офицера, – говорится в его «Записке», – весьма важно реальное образование и, в особенности, основательное приготовление в математических науках. Гимназии же наши, при теперешнем устройстве их учебного курса, не могли бы готовить молодых людей удовлетворительно к слушанию специального курса военных наук. Поэтому, прежде чем думать о слиянии общего образования в гимназиях, необходимо учредить сначала достаточное число реальных гимназий»³⁰.

Работа комитета продолжалась до конца ноября 1862 г. Ее итогом стал общий проект реформы, одобренный в декабре

того же года императором. Было решено несколько кадетских корпусов упразднить, а в остальных отделить специальные классы от общих. Деньги, освободившиеся от упразднения кадетских корпусов, предполагалось направить на «учреждение новых юнкерских школ при войсках и, в случае возможности, часть... уделить Министерству просвещения для усиления... реальных заведений». Отдельный пункт проекта был посвящен учебным заведениям, которые должны были появиться на основе общих классов кадетских корпусов. В них следовало «изменить устройство... согласно современным требованиям педагогики и прекратить фронтные занятия, как несоответствующие возрасту воспитанников»³¹.

Очевидно, что принятый проект носил компромиссный характер между крайними точками зрения. Он предусматривал сохранение в военном ведомстве общеобразовательных учебных заведений, как предлагали С. Г. Строганов и П. С. Ванновский. Одновременно планировалось создание

сети юнкерских училищ («школ»), что скорее соответствует планам Д. А. Милютин и Н. А. Крыжановского. Намечалось также создание неких учебных заведений на базе специальных классов кадетских корпусов, отличных от юнкерских училищ, о чем говорилось в записках П. С. Ванновского и А. С. Платова. В определенной степени были удовлетворены даже претензии Министерства просвещения, ибо часть принадлежавших военно-учебному ведомству средств рекомендовалось направить на открытие реальных гимназий. Поэтому представляется совершенно неверным утверждение ряда современных историков, что реорганизация военного образования проводилась в полном соответствии с планом Д. А. Милютин. Вместе с тем даже в компромиссном варианте реформа встречала ожесточенное сопротивление консервативных военных деятелей, которые полагали, что военный министр «весь природный склад русской армии косит как старый бурьян»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фон Бооль В. Г.* Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. Т. 119. № 8. С. 297.

² *Лалаев М. С.* Наши военно-учебные заведения под главным начальством великого князя Михаила Николаевича. 1860–1863. СПб., 1898. С. 22.

³ Стоит отметить, что Д. Милютин был специалистом в области обучения офицеров. Он прошел путь «унтер-офицера из дворян», произведенного в офицеры в строю, и мог лично наблюдать недостатки такой подготовки. В 1835 г. Д. Милютин поступил в Военную академию и блестяще ее окончил. Дальнейшая служба на Кавказе в 1839–1845 и 1856–1859 гг. позволила соединить теоретические познания с боевым опытом. К тому же в 1845 г. Д. Милютин стал профессором Военной академии, где занимался военной географией, статистикой, военной историей. В течение трех лет (1845–1848) он управлял воспитательным отделением в Штабе главного начальника военно-учебных заведений. В 1856 г. входил в комитет, готовивший положение об юнкерских училищах.

⁴ *Милютин Д. А.* Мнение о военно-учебных заведениях // Столетие Военного министерства. Т. 10. Ч. 3. СПб., 1914. С. 191.

⁵ Там же. С. 192.

⁶ Там же. С. 191.

⁷ Там же. С. 194.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 318.

¹² Там же. С. 318–319.

¹³ А. Е. К. Михаил Иванович Драгомиров и военно-учебные заведения // Русская старина. 1908. № 10–12. С. 39.

¹⁴ *Засодимский П.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 153.

¹⁵ *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 228.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Ванновский П. С.* Мнение о преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1863. С. 2.

¹⁸ Там же. С.3.

¹⁹ *Крыжановский Н. А.* Мнение о преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1862. С. 11.

²⁰ *Платов А. С.* Должны ли существовать одни окружные юнкерские школы? СПб., 1862. С. 3–4.

²¹ Там же. С. 3.

²² Там же. С. 4.

²³ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 121.

²⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 41. Д. 70. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ *Медем Н. В.* Мнение о том, какие недостатки обнаружены в наших военно-учебных заведениях и какие меры были бы полезны для устранения этих недостатков. СПб., 1863. С. 4.

³⁰ *Воронов А. С.* По вопросу о преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1862. С. 5.

³¹ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1863 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1864. С. 3.

³² РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.